

ПРОБЛЕМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭТНИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ СРЕДАХ¹

THE PRONLEM OF ETHNICITY IN MODERN COMMUNICZTIVE ENVIRONMENT

Демичев Илья Валерьевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, ГАНУ Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, Уфа, Россия

Demichev Ilya Valeryevich, Candidate of Philosophical Sciences, Senior researcher, Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia

Аннотация. В статье рассматривается проблема функционирования этнических сообществ в современных условиях. Исходя из базового представления об этносе как «обществе с культурной традицией» рассматривается организация этнических сообщества, его социокультурного пространства и институционально-дискурсивные структуры, концептуализируемые идентичностью и солидарностью. На основании этого прослеживается качественная специфика этнических сообществ доиндустриального и индустриального типа, а также динамика их трансформации в рамках модернизационного перехода. Далее анализируется кризис национальных сообществ в условиях «ситуации постмодерн» и развития информационных технологий, ведущих к качественно новой специфике функционирования коммуникативных сообществ, фрагментации и рекомбинации их дискурсивных принципов, отделения от образа жизни и территориальной организации участников.

Анализ проводится в рамках системного подхода, структурно-функциональной и структуралистской методологии, развивается авторская концепция системы сложной идентичности и нового модернизационного перехода.

Abstract. The article considers the problem of functioning of ethnic communities in the modern context. Using the basic idea of an ethnos as a society with cultural tradition, we consider the organization of ethnic communities, its socio-cultural space and institutional and discursive structures, which is conceptualized by identity and solidarity. Based on this, the qualitative specificity of ethnic communities of pre-industrial and industrial type is traced, as well as the dynamics of their transformation in the context of the modernization transition. Next, the crisis of national communities in the period of the “postmodern situation” and the development of information technologies, leading to a qualitatively new specifics of the functioning of communicative societies, fragmentation and recombination of their discursive principles, separation from the lifestyle and territorial organization of participants, is examined. The analysis is carried out within the framework of a systematic approach, structural-functional and structuralist methodology. The author’s concept of a complex identity system and a new modernization transition is developed.

Ключевые слова: социокультурное сообщество, этнос, нация, модернизационный переход, социокультурная динамика, институционально-дискурсивные структуры, идентичность, солидарность, информационные технологии, субкультуры.

Key words: socio-cultural community, ethnic group, nation, modernization transition, socio-cultural dynamics, institutional and discursive structures, identity, solidarity, information technologies, subcultures.

Национальная проблематика для современной России по-прежнему сохраняет свое значение. Достаточно вспомнить дискуссии, развернувшиеся вокруг статуса русского

---

¹ Публикация выполнена в рамках Государственного задания Центра социокультурного анализа ГАНУ ИСИ РБ

народа и русского языка при обсуждении поправок в Конституцию России, а также аналогичные дискуссии и конфликты вокруг изучения родных и региональных языков, российской нации и т.д.

Хотя они имели преимущественно политический характер, особенно в национальных республиках федерации, и участвовали в них в основном общественно-политические акторы различного уровня, сама проблема современных этнических сообществ была достаточно наглядно обрисована. В ней можно выделить несколько актуальных компонентов, на которых, как правило, сосредотачивается внимание общественности, и за пределы которых последнее выходит редко. Это, прежде всего, проблема национальных республик – обеспечение их статуса и легитимация их элит; проблема национальных языков, их функционирования и статуса, их преподавания и обучения на них; проблема национальных общественных и общественно-политических организаций, их инкорпорации в политические процессы на региональном и федеральном уровнях.

В то же время, сами этнические сообщества, к которым апеллируют общественно-политические акторы и от лица которых они выступают, остаются в тени. Если попытаться обрисовать такие сообщества, то речь может идти о некоторой национальной идентичности, которая выявляется, как правило, в рамках Переписи (что в условиях Республики Башкортостан само по себе выступает проблемным вопросом в контексте башкиро-татарских отношений).

Значимым выражением национальной идентичности при этом могут выступать «народные праздники» и различные фольклорные элементы, по различным причинам получившие отражение в институционализированных практиках регионов (например, Сабантуи или «национальные творческие коллективы»), а также формальное закрепление национального языка или владение им.

В то же время, очевидно, что жизнедеятельность представителей этнических сообществ ни в коей мере не исчерпывается этими атрибутами, и более того, сами последние даже не обязательно атрибутируют принадлежность к ним. По крайней мере, владение национальным языком, который преподается в школах, выходит за пределы этнического сообщества – и не все представители последнего им владеют; с другой стороны, «национальное искусство» может воспроизводиться и воспроизводится не только представителями этнического сообщества – и не все его представители склонны к нему обращаться. Наконец, с третьей стороны, огромную долю жизни и деятельности представителей этнических сообществ составляет общая, не имеющая специфической этнической привязки рутинная и специальная практика и коммуникация, общая для всех и регулируемая общими же нормами.

Это, разумеется, само по себе ставит проблему рефлексии существования этнических сообществ в нетривиальное положение: так в каком же виде и в каком качестве в современных условиях, условиях индустриального и постиндустриального общества существуют этнические сообщества?

Однако ситуация усугубляется еще одной проблемой. При переходе от аграрного общества к обществу индустриальному сменился и тип этнического сообщества – появились нации, чье универсализирующее влияние в значительной мере сняло «цветущую сложность» прежнего этнического многообразия, даже если говорить о моноэтнических сообществах. В самом деле, если касаться самой наглядной области – искусства – можно заметить, как прежний фольклор на протяжении короткого времени, в масштабах одного века модернизационного перехода, сменился современными формами – литературой, академической музыкой, песней, танцем, театром, кино и т.д. Они, во-первых, строились на универсальных принципах, во-вторых, в значительной мере питались общемировыми темами, сюжетами и приемами, и в-третьих, имели лишь некоторые отсылки к этническим сюжетам и нарративам – но в то же время, несомненно, представляли собой как результат творчества этнических сообществ, так и корпус актуальных для них культурных текстов.

Современная эпоха – это эпоха нового модернизационного перехода, причем, хотя черты будущего типа общества еще не определены, но, очевидно, они связаны с резким ростом коммуникаций и формированием информационно-коммуникационных сред, с их специфическими практиками, процессами, нарративами и т.д. Это, очевидно, фундаментально меняет как условия жизни людей, так и, как следствие, структуру, процессы и принципы функционирования их сообществ – в том числе, этнических. В связи с этим, необходимо проследить не только как существуют современные этнические сообщества, но и как они трансформируются под влиянием этих новых условий.

Рассматривая этнические сообщества, следует сразу выделить два момента. Во-первых, они определенным образом организованы – т.е. это не номинально выделяемые группы, но предполагают определенное регулятивными механизмами, по крайней мере, влияние на практику, коммуникацию и мышление их участников.

Во-вторых, этнические сообщества – не рядоположены остальным сообществам, например, территориальным или профессиональным: члены этнических сообществ одновременно входят в последние, а значит, подчиняются и воспроизводят их принципы. Иными словами, описывая современные этнические сообщества, следует говорить об их участии в рутинной практике общества, о том, как они осваивают эту практику – и о том, как они на нее влияют. Для всякого человека участие в сообществах, воспроизводство их принципов и соответствие последним составляет условия жизни и определяет деятельность, ценностные ориентиры, формы мышления и т.п. В этом смысле, если этническое сообщество не обладает спецификой поведения и мышления – оно становится номинальной группой; если специфика этнического сообщества делает невозможным инкорпорацию в общественные отношения – оно исключается из этих отношений. В то же время, если этническое сообщество инкорпорировано в общественные отношения и существует, эти отношения составляют, по меньшей мере, часть внутреннего устройства этнического сообщества постольку, поскольку хотя бы его участники воспроизводят соответствующие принципы.

Анализ всякого сообщества предполагает выделение его идентичности и солидарности, причем, солидарность представляет собой организованные формы сообщества, институализирующие практики его участников, а идентичность отвечает за ориентацию на воспроизводство этих форм и соответствие принципам, благодаря которым такое воспроизводство оказывается возможным. Таким образом, солидарность – это социальная форма сообщества, а идентичность – его культурная форма, которые воспроизводятся членами сообщества постольку, поскольку они осваивают соответствующие принципы и реализуют их в своей практике и коммуникации. Следует отметить, что социальная форма сообщества складывается одновременно и как выражение его принципов, и как адаптация его к окружающей среде – и сообщество существует постольку, поскольку действены оба условия. Если сообщество не адаптируется к среде, оно гибнет; если сообщество не следует собственным принципам, оно распадается. В свою очередь, идентичность сообщества одновременно и воспроизводится в рамках специфической институционально-дискурсивной практики, которую, как правило, обозначают, как традицию, а также рефлексивует и закрепляет адаптивные социальные формы в качестве «своих» для сообщества и его участников. Соответственно, если по любым причинам распадаются практики воспроизводства идентичности, она утрачивается; если социальные формы не инкорпорируются в культурный комплекс идентичности – то либо они отвергаются сообществом, либо идентичность отбрасывается (или, по крайней мере, резко утрачивает свой статус и влияние). Наконец, поскольку в любом сообществе происходит функциональное разделение на группы, которые специализированы на воспроизводстве его традиции, и группы, специализированные на остальных практиках, необходимым для его существования является внутренняя связность этих групп – структурная и, как следствие, практическая и коммуникативная. Если такая связность присутствует, осуществляемая специальной группой трансляция традиции и рефлексия над

опытом оказываются эффективными, что обеспечивает воспроизводство остальными группами принципов сообщества и их взаимное восприятия друг друга, как своих. В противном случае процесс взаимодействия оказывается разорванным, и сообщество распадается по выше обозначенным причинам.

Такая схема в полной мере работает для этнических сообществ, которые построены не столько вокруг некоторой фундаментальной практики, сколько вокруг идентичности, связывающей некоторый набор фундаментальных практик, обеспечивающих его существование и развитие. В этом смысле, этническое сообщество в принципиальном отношении тождественно обществу, что прямо вытекает из его определения, как исторически сложившейся и устойчиво воспроизводящейся группе людей, обладающей некоторой культурной спецификой и организованной социальными формами [1].

Этнические сообщества доиндустриального типа представляли собой относительно замкнутые территориальные общины, не принципиально, родовые, соседские или городские, в рамках которых бытовые, хозяйственные, политические и культурные практики, во-первых, были неразрывно друг с другом связаны и выражали друг друга, а во-вторых, обладали определенным «дрейфом» от одной общины к другой, в зависимости от культурно-исторической ее специфики. Религиозные и государственные институты при этом, конечно, задавали некоторую обобщенную форму – хотя, скорее, в виде некоторой парадигмы, образа, от которого отталкивались общины в своей практике (или с которой они как-то согласовывались).

В этом смысле, доиндустриальные этносы, скорее представляли собой некоторую сеть субъектов, распределенную по территории и статусам (сословиям, в широком смысле), причем, чем ближе к этническим границам (территориальным или стратовым) была община – тем больше в ее принципах было компонентов актуальных соседей и собственной специфики [2]. В то же время, по мере становления некоторых культурных, политических и экономических центров этноса их частные варианты общей социокультурной традиции приобретали черты общезтнического эталона – на чем, собственно, и строилась легитимность такого центра. Однако влияние такого эталона было в значительной степени ограничено общей слабостью социокультурных связей между становящимся центром и остальными общинами – оно имело характер, преимущественно юридический, властный, характер наиболее общих стандартов (чуть больше эта стандартизация проявлялась в религиозной сфере за счет организованности института, чуть меньший – в хозяйстве и быту).

Становление индустриального общества представляло собой (или сопровождалось) качественное изменение характера связи локальных общин: они становятся все меньше замкнуты на себя и свое непосредственное окружение – и все больше вовлекаются в общие процессы перетока благ, информации, членов этнического сообщества. Очевидно, что такие процессы оказываются в значительной степени более стандартизированы, причем принципы стандартизации по большей части представляют собой принципы этнического центра (что наглядно можно проследить по становлению литературного языка), в отношении которых остальные общины вынуждены определяться – принимать их, пытаться скорректировать или отринуть, в зависимости от степени отличий, значимости центра и мер, направленных на их освоение. Именно в рамках этого процесса оформляется специфический тип этнического сообщества Нового времени или Модерна – нация, характеризующаяся универсализмом внутреннего пространства, которое базируется на едином политико-административном аппарате государства, институте образования, «высокой культуре» и социальных стандартах, ими задаваемых [3].

Собственно, специфика таких базовых институтов и определяет специфику нации, маркеры ее идентичности, нормативный тип личности, относительно которых локальная вариативность в значительной степени нивелирована. Разумеется, это отнюдь не означает отсутствие локальных или стратовых общин, а также их специфики – речь идет лишь о значительно большем их взаимном подобию и постоянном воспроизводстве базового образа

нации, по отношению к которому частная вариация представляется, как конкретное воплощение.

Институциональная, дискурсивная и маркерная инерция доиндустриального или раннеиндустриального общества при этом обретает черты реликта (что, опять же, хорошо можно проследить на примере территориальных диалектов в отношении литературного языка), необязательной и, отчасти, «второсортной» специфики. Она все менее влияет на институциональные и дискурсивные принципы организации рутинных практик в организации хозяйства, культуры, управления, воспитания, смещаясь в область частного и коллективного досуга. Довольно наглядно это можно заметить, скажем, на примере брачных обрядов, для которых задается достаточно жесткая нормативная форма регистрации браков, последовательности действий – а на долю собственно локальной традиции остается «свободная форма» коллективных застолий после нее. Аналогично и обряды общенациональных праздников представляют собой сочетание жесткой формы общего ритуала празднования и свободной формы последующего частного и коллективного отмечания.

Иными словами, в рамках индустриальных наций, организованных стандартизированными формами управления, труда, воспитания, быта и досуга, локальный и стратовый «дрейф» вариаций идентичности и солидарности оказывается минимальным, при практически полном доминировании общего эталона или образца, в рамках которого протекают все или практически все социальные и коммуникативные практики, сфокусированные, собранные вокруг общенациональных институтов и дискурсов. Локальные отличия при этом выступают мерой невовлеченности общины в общие процессы и, своего рода, ее «отсталости», которую необходимо в возможно большей степени преодолеть.

Новый модернизационный переход так же задает новые условия существования этнического сообщества и качественные изменения в его организации. Проще всего, по крайней мере, на данный момент, их обозначить через отрицательные контексты, связанные с распадом общенациональных институционально-дискурсивных структур и, как следствие, их дисфункции, что сказывается на ослаблении национального единства в пользу локальной, стратовой и прочей «специфики», определяющейся, прежде всего, через отличие от ранее доминировавшего образца.

Основной мотив этого массового процесса – «мы не такие», а содержание отличий при этом может иметь совершенно различный характер: акцентация существующей частной (локальной, профессиональной, стратовой и т.п.), реактуализация доиндустриальной идентичности (локальной субэтнической, этнической, конфессиональной, сословной и т.д.), реконструкция ее, формирование некоторой принципиально новой. Хотя исток этого процесса можно обнаружить еще в рамках зрелого индустриального общества и связать его, с одной стороны, с экзистенциальной потребностью личности и сообщества самоопределения в рамках «слишком большого пространства», а с другой – с насыщением локально-стратовых сообществ и, как следствие, с их самозамыканием, падением относительной плотности контактов между ними, нельзя не отметить, существенным катализатором его стал рост возможности и разнообразия коммуникаций, протекающих помимо централизованных институционально-дискурсивных структур национального универсума. В самом деле, несмотря на последние, единицей социокультурных практик в рамках нации в любом случае оставалось территориальное сообщество, комплекс его рутинных административных, трудовых, бытовых и досуговых практик, минимально вариативных относительно базовых. Межтерриториальные связи, протекающие в рамках профессиональных сообществ (пусть и хозяйственных, образовательных, административных и т.п. корпораций) в этом смысле, наоборот, выступали основными носителями общего образца, но в целом в своей повседневности локальное сообщество представляли собой «нацию в конкретном варианте», рутинно и эффективно блокируя вариации, трактуемые, как девиации. Однако

чем более стандартизирована базовая практика и чем более она сфокусирована вокруг «большого образца», необходимо абстрактного – тем менее она экзистенциально значима; чем более она экзистенциально значима, тем выше потребность оценки собственного вклада и собственного статуса в отношении других. Первое в целом определяет интенцию на фиксацию частных отличий, частной специфики. Второе – интенцию на локальную или стратовую особенность, в крайних вариантах, исключительность. Обе интенции, мотивировавшие при становлении индустриальной нации частные сообщества на конкуренцию в рамках единой шкалы критериев и возможно полное освоение ее принципов, теперь образуют обратную склонность – фиксацию частного варианта общей нормы, переходящую в отрицание последней.

Наглядно этот переход можно отметить в противопоставлении трудовых (корпоративных) и досуговых практик, в рамках которого последние, будучи частным выбором субъекта (личности или коллектива), трактуются, как «свобода» в противовес внешней необходимости подчинения правилам и законам.

Поскольку в эту же, досуговую, необязательную сферу отошли локальные, субэтнические или субнациональные, идеологические, конфессиональные и иные, включая половые, особенности, между ними стали возникать специфические частные рекомбинации, экзистенциально объединенные групповой спецификой «своих», противостоящих «остальным», а содержательно – фрагментами индивидуально и группово разделяемых представлений. В целом, именно это, как представляется, вызвало кризис индустриального общества, который определяется, как «ситуация постмодерн» и выразился в росте числа и массовости девиантных субкультур [4]. Однако не они определили собственно «новый модернизационный переход», поскольку выступали диалектическим следствием собственного развития общества Модерна.

Новым фактором здесь выступили информационно-коммуникационные технологии, которые одновременно как действовали на разукрупнение локальных, корпоративных и трудовых сообществ, так и на частное их размыкание, поскольку позволяли в условиях насыщенных и менее взаимодействующих профессионально-стратовых сообществ в более частном (в т.ч. индивидуальном) порядке устанавливать связи со «своими» вне привязки к территории и ее отношениям, принципам, ориентациям. «Новые», складывающиеся на основании этих технологий группы, организации и отношения и ранжировали прежние профессионально-стратовые сообщества на «прогрессивные и отсталые», позволяли создавать менее массовые и более квалифицированные группы, катализируя интенцию на акцент исключительности частного в противовес общего.

С другой стороны, фрустрированные новыми отношениями группы, по разным причинам не включенные в их освоение, расценивая и «отсталые» принципы индустриальной нации, и «прогрессивные» принципы новых групп, как угрозу и несущие вред, неизбежно в рамках той же интенции скатывались к реактуализации и реконструкции принципов доиндустриальных этносов, придавая им черты «проверенного временем идеала». Аналогично и группы, остающиеся включенными – в той или иной степени – в процессы на принципах индустриальной нации видели в «прогрессивных» и «архаических» группах искажение этих принципов и угрозу им, акцентируя с той же динамикой установки и идеалы Модерна.

В целом, сочетание всех трех типов тенденций, как представляется, породило множество все менее связанных друг с другом сообществ, субкультур, групп, массовым проявлением которых стали как «взрыв этничности», так и «взрыв меньшинств» конца XX века, обусловивший как распад «социалистического блока», так и «политику мультикультурализма» в блоке капиталистическом.

Не вдаваясь в описание этого противоречивого процесса, стоит сосредоточиться на определении качественно новых социокультурных условий, в рамках которых существуют сообщества, в том числе, маркирующие себя, как этнические или конфессиональные.

В первую очередь, современные сообщества имеют преимущественно коммуникативный характер, т.е. складываются вокруг дискурсивных парадигм, обеспечивая их воспроизводство – как позитивное, так и негативное.

Особенность парадигмы в том, что она задает образец, относительно которого фокусируется практика, как в отношении ее полного воспроизводства, так и в отношении любых ее вариаций, в том числе, в виде последовательного отрицания ее принципов. Иными словами, хотя национальные сообщества также имели дискурсивный характер, фиксированный идентичностью с большим универсальным пространством, сейчас отсутствуют институциональные основы не только принуждения (добровольного или недобровольного) следования заданному образцу – и наоборот, практически любой компонент последнего может быть изменен, обеспечивая множась мозаику субкультурного членения.

Помимо этого, коммуникативные сообщества не предполагают институциональное единство практик своих участников и даже контактов между ними. Они ситуативны и крайне вариативны за пределами малых своих ячеек (что наглядно видно на примере «активистского» характера объединений гражданского общества, пришедшего на замену массовых общественно-политических движений и организаций).

Иными словами, они принципиально не предполагают создание целостных групп и сообществ, определяя жизнедеятельность своих участников. Разумеется, в их составе возникают определенные «ядра» из состава тех же «активистов» (фанаты, профессиональные общественники, последовательные верующие и т.д.), однако они не обладают массовостью и не претендуют на расширение своего состава на всех своих участников и определения их образа жизни.

По этой же причине коммуникативные сообщества принципиально не образуют территориальные свои единицы иначе, чем местная ячейка активистов и сторонников, частная по отношению к территориальному сообществу в целом, выступающему стереотипным образом «не своих», «остальных».

Наконец, в силу обозначенных причин такие сообщества не только обладают высокой текучестью своего состава, но и высокой же степенью рекомбинации своих принципов, что не позволяет формировать устойчивые идентичности участников, которые сворачиваются к наиболее абстрактным общим формам, в лучшем случае, обозначающим номинальное соотношение индивида и группы в меняющемся поле маркеров и отношений. В этом смысле, за идентичностью остается, по сути, только самоназвание, и даже критерий «признание другими» в данном качестве фактически не функционирует.

Данный феномен широко прослеживается в общественно-политической (например, постоянная сегментация и неопределенность «левых» и т.п.), этнокультурной и этноконфессиональной (например, восточноевропейские и постсоветские национализмы; рост сектантских организаций и противоречивость конфессиональных общественных объединений), культурно-досуговой (сообщества спортивных и художественных фанатов) и т.п. сферах.

В наличных условиях этнические сообщества очевидно делятся на два больших типа – номинальные этнические группы, не обладающие выраженной идентичностью и не предполагающие организующей образ жизни солидарности (кроме относительно моноэтнических территориальных и диаспоральных групп), а также этнически маркированные субкультуры кланового, активистского и иного частного характера, идентичность и солидарность которых не только не распространяется на сами номинальные группы, но и не за счет своей противоречивой разнородности не позволяет говорить о формировании «этнических интересов» и собственно «этнических сообществ».

В завершении необходимо отметить, что новый модернизационный переход далеко не завершен и существующий образ жизни, его институционально-дискурсивные структуры и обусловленные последними принципы по-прежнему обладают высокой динамикой. Можно дискутировать о том, сложился или не сложился «пакет» технологий,

их определяющий, или будут возникать новые отношения – однако очевидно, что соответствующие социокультурные формы, которые в будущем можно будет определить, как этнические, находятся в состоянии становления, и так же, как нации лишь наследовали доиндустриальным этносам, они будут лишь наследовать существующим нациям.

Библиографический список

1 Лурье С. В. Историческая этнология : Учеб. пособие для вузов / С. В. Лурье. - М.: Аспект-пресс, 1997.

2 Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Сб. ст. М.: Новое издательство, 2006.

3 Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма [1998] / Пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили и др. М., 2004.

4 Ирхин Ю.В. Социум и политика в постмодернистском зазеркалье: взгляды, подходы, анализ // ПОЛИТИЯ: АНАЛИЗ. ХРОНИКА. ПРОГНОЗ (ЖУРНАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ ПОЛИТИКИ). № 4, 2005. С. 136-160.

Bibliography

1 Lur'e S. V. Istoricheskaja jetnologija : Ucheb. posobie dlja vuzov / S. V. Lur'e. - M. : Aspekt-press, 1997.

2 Bart F. Jethicheskie grupy i social'nye granicy. Social'naja organizacija kul'turnyh razlichij / Sb. st. M.: Novoe izdatel'stvo, 2006.

3 Smit Je. Nacionalizm i modernizm: Kriticheskij obzor sovremennyh teorij nacij i nacionalizma [1998] / Per. s angl. A. V. Smirnova, Ju. M. Filippova, Je. S. Zagashvili i dr. M., 2004.

4 Irhin Ju.V. Socium i politika v postmodernistskom zazerkal'e: vzgljady, podhody, analiz // POLITIJA: ANALIZ. HRONIKA. PROGNOZ (ZhURNAL POLITICHESKOJ FILOSOFII I SOCIOLOGII POLITIKI). № 4, 2005. S. 136-160.

Сведения об авторе

Демичев Илья Валерьевич, канд. филос. наук, старший научный сотрудник ГАНУ ИСИ РБ, 4500008 , г. Уфа, ул. Кирова, 15, demicheviv@isi-rb.ru, ORCID 0000-0003-3829-6663

Author's personal details

Demichev Ilya Valeryevich, PhD, Senior researcher, Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia, 450008, Kirova St., demicheviv@isi-rb.ru, ORCID 0000-0003-3829-6663

© Демичев И.В., 2020.